

ходит через образ Репетилова или князя Лиговского („Два брата“ Лермонтова), то, что составляет едва ли не постоянный элемент всех иных сценических созданий Горин-Горяинова.

Стоит вспомнить образ Тарелкина, так счастливо найденный артистом в постановке В. Э. Мейерхольда на Александринской сцене, чтобы убедиться, как ярко умеет Горин-Горяинов вскрывать и отображать „безличие“ обывательски-мещанской психологии.

В этой роли дана траги-комическая квинт-эссенция пошлости. Тот же поток безличия дается и в роли Репетилова, в образе пошло-обывательской „суеты сует и всяческой суеты“.

III

Это умение вскрыть и разоблачить обывательско-мещанскую пошлость и пустоту могло бы явиться для нас сейчас наиболее ценным элементом в творчестве Б. А. Горин-Горяинова. Так, напр., Б. А. Горин-Горяинов стремится сыграть Обломова, и нет сомнения в том, что в его исполнении Обломов мог бы звучать как прообраз „обломовщины“, как широчайшее полотно одной из самых жутких и—по определению Ленина—типично российских болезней.

Опираясь на внимательное изучение действительности, познавая ее в целях борьбы за нового человека, в целях раскрепощения от пережитков психологии прошлого, мобилизуя на эту борьбу свое блестящее мастерство, не мог ли бы Б. А. Горин-Горяинов, продолжая и углубляя разработку образа обывательской пошлости, создать на нашей сцене те обличительные образы, которые так нужны и зрителю и театру в нашей борьбе за новую человеческую природу?

Все данные говорят за это. Основная задача, которая может встать перед Б. А. Горин-Горяиновым на этом пути,—переоценка и перегруппировка элементов своего мастерства. То ценное, что есть в его технике актера-фантазиста, должно быть укреплено на новой качественной базе. Это ценное — умение обострить восприятие зрителя, умение окружать основную сценическую характеристику образа дополнительными, распространяющими ее деталями, мастерство владения сценическим „аттракционом“. Новая качественная база — отношение к образу. Оно не всегда с достаточной четкостью выявляется в спектакле, но потенциально оно всегда существует, устремляясь преимущественно к иронической оценке своей „модели“. Б. А. Горин-Горяинов в основе своей — актер иронист. Его ирония, направленная на пережитки буржуазной психологии в сознании современного человека и на буржуазно-обывательскую психику в целом несомненно могла бы приобрести в еще большей степени положительное звучание. Здесь подчинив свою технику углубленным идеологическим заданиям, Б. А. Горин-Горяинов мог бы вступить в новую фазу своей творческой работы. Преодолевая наследие безыдейности буржуазного театра, артист открыл бы перед собою пути к утверждению на советской сцене идейно насыщенных и иронически заостренных образов, несомненно находя для них опору и в советской драматургии, и в отдельных произведениях драматургии западно-европейской.